

нился синонимом „жалеть“, а сам сохранился лишь в форме возвратного глагола (глагол „жалеть“ с возвратной частицей *ся* в русском языке не употребляется).

Глагол „каяти“, очевидно, как и синонимичный ему глагол „жалеть“, употреблялся в древнерусском языке в значении — оплакивать, причитать над умершим [об употреблении глагола „жалеть“ в древнерусском языке именно в таком значении свидетельствуют тексты: „Ангель же божи постави Амбакума внезапно на мѣстѣ его. Царь же приде въ седмыи день *жалеть* Данила и прииде на ровъ и възрѣ и се Даниилъ сѣдя“ (Великие четыи-миней); „Яко суботѣ вашихъ възненавидѣ господь и преложи праздники ваша въ *желю*; яко убьенъ бысть начальникъ вашего безаконья“ (Патерик Печерский)].

Одно из трудно переводимых мест „Слова“ „... кая рана дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола...“ толкуется и переводится по-разному. Большая часть комментаторов и переводчиков считают, что „кая“ здесь — местоимение „какой“, „какая“ („какая из ран дорога, братья, тому, кто...“). Некоторые же считают, что это „кая“ — аорист от глагола „каяти“. Такой точки зрения держится Л. А. Булаховский в своей статье, посвященной языку „Слова о полку Игореве“.¹ Л. А. Булаховский считает верным перевод этого места Ильинским: „Он (Всеволод) отомстил раны...“. По его мнению, глагол „каяти“ имел значение — мстить. Подтверждение этому он видит в сербском языке, где глагол *кајати* означает — мстить.

Хотя из сказанного выше видно, что глагол „каяти“ в древнерусском языке был многозначен, мы не можем принять значения его как — мстить, пренебрегать, так как подтверждений такому значению глагола „каяти“ в русском языке нет. Это доказывает правильность толкования в этом месте „Слова“ „кая“ как „какая“, ибо, по смыслу всей фразы, в прошедшем времени можно употребить глагол „каяти“ лишь в значении — презирать, пренебрегать или отомстить, в известных же нам значениях глагола „каяти“ его прошедшее время не будет соответствовать внутреннему содержанию этого места.

Имеет ли какое-нибудь отношение глагол „каяти“ к названию реки, на которой произошло поражение русских войск — к Каяле? Мы считаем, что да.

Впервые предположение о том, что под Каялой нужно подразумевать не географическое название реки, а нарицательное имя, производное от глагола „каяти“, было высказано Н. Грамматиным: „Не от того ли *Каяла* и название получила, что русские *каяли* Игореву предприятие?“² П. П. Вяземский также считал, что Каяла — название символическое, он сравнивал его с названием реки бедствий в финском эпосе — Калари.³

Е. В. Барсов так объяснял название Каяла: „Наблюдая за употреблением «реки Каялы» в самом «Слове», мы приходим к решительному убеждению, что и здесь имя *Каялы* имеет лишь символическое, а не географическое значение. *Каяла* упоминается в «Слове» шесть раз — и

¹ Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка. Сборник статей „Слово о полку Игореве“ под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 130—163.

² Н. Грамматин. „Слово о полку Игоревом“, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке. М., 1823, стр. 159.

³ П. П. Вяземский. Замечания на „Слово о полку Игоревѣ“. СПб., 1875, стр. 181.